

У русских католиков славянского обряда.

9 сентября. – Вчера вечером был у о. Жана Дейбнера, истинное путешествие в страну островов. Дважды переезжали воду; остановки трамвая делают реку как бы шире. И вот она улица Пушкарская 48. Поднимаюсь по лестнице и нахожу семью в сборе: отец в чёрной сутане, жена, дети девочка и мальчик, и какая-то старая дама. Немедленно начинаем беседу у самовара.

Они абсолютно чужды войне, ибо живут в высшем мире. Однако в Бельгии у них восемнадцать лет сын у ассомпционистов, от него никаких прямых известий: чувствуется, что это печалит, но вера сильнее.

Старая дама это девица Наталья Ушакова, родственница Столыпина, обращенная, вспоминающая времена, «когда она исповедовалась у схизматиков». России она желает свободы, как в Англии. Она вспыльчива, остроумна, всезнающа, быть может, менее добра, чем мадам Дейбнер или отец. В ней ничего мистического.

Я ощутил, что все они желают свободы, которая, по их мнению, существует во Франции. Совсем недавно здесь о. Леонид Федотов, связанный с Андреем Шептицким, был объявлен подозрительным («ненадежным») и сослан в Сибирь без какого-либо объяснения. В том, что произошло в Галиции, говорят мне, виновато православное духовенство: военные власти были против преследований униатов. Отец в очень осторожной статье провел параллель между двумя позициями: статья была запрещена целиком, за исключением заголовка. В военной цензуре есть православный священник.

Вспоминается маленькая капелла Святого Духа, которая была у русских католиков в 1912 – 1913 гг. Она просуществовала только четыре месяца. Её посещали даже православные. Проповеди на русском нравились. Имело место семь или восемь обращений. В начале поста она была закрыта.

Вот как. Однажды во время литургии явился епископ Никандр, викарий митрополита Санкт-Петербургского, в сопровождении двоих, предназначенных, несомненно, служить подкреплением, ибо они ожидали

плохого приёма. Он прошел прямо к алтарю и спросил отца: «Кто вы такой? Кто вас рукоположил священником?» - «Я православный католический священник, рукоположен монсеньором Андреем». — «Тогда вы не православный». — «Я православный». Епископ удалился в гневе, заявив спутникам, что их обманывают, что на клиросе всё идёт на латинский лад, и что он приказывает всем немедленно выйти под страхом анафемы. Он уже велел позвать полицейского, чтобы составить протокол. Никто не вышел, и отец предложил епископу помолиться вместе с верующими: от чего тот сильно оскорбился. Когда он ушёл, отец прочёл проповедь о святом Петре. Слышны были слова полицейского: «Отец прав». Полицейский задал мадемуазель Ушаковой вопрос: «Против кого протокол? Скандал затеял епископ». — «Право, это ваши полицейские дела, я же не знаю».

Капелла была закрыта. Последующие дни лестница ломилась от вопрошающих людей, которых приходилось выпроваживать. Другие, православные пристыжено приходили извиняться за епископа. Мадемуазель Ушакова подозревает, что духовенство православного прихода было причастно к закрытию из опасения потерять паству и даяния в дни поста.

После этого инцидента член Думы Николай Львов хотел поставить вопрос с трибуны о пределах свободы совести. Но обнаружил могилевского католического архиепископа настолько неуверенным, что вынужден был воздержаться. Впрочем, поляки нередко называли эту капеллу схизматической и приходили смущать верующих во время служб. И сейчас, говорят, монсеньор Съепляк¹ склонен игнорировать русский приход старославянского обряда. А ведь он зависит, в сущности, от него, хотя канонически подчиняется монсеньору Андрею Шептицкому... К несчастью, нельзя поддерживать связь напрямую с Римом, ибо это запрещено. Тем не менее, есть три католических епископа, которые одобрили журнал «Слово истины».²

¹ Католический архиепископ Петрограда.

² Издавался с 1913 г. о. Дейбнером.

В России несколько русских католических священников славянского обряда: здесь о. Алексей (Зерчанинов), рукоположенный в православной церкви, о. Глеб (Верховский), рукоположенный болгарским католическим епископом после окончания семинарии в Иннсбруке; и прочие, о. Сипягин, Веригин и один, из староверов, Евстахий Сузалёв. Есть православные священники, которые получили позволение оставаться под властью своих епископов, будучи вполне католическими. Другие, о. Иван узнал об этом случайно, пишут папе на предмет проскомидии. Есть ещё один о. Алексей Толстой в Москве, но неизвестно, попал он под запрет или нет, ибо неуравновешен. В Риме, будучи интерном в *коллегии*, он убегал через окно повидать своих русских друзей. Когда он был ещё православным священником, то являлся с толпой учеников петь славянскую службу в Святой Екатерине к большому ужасу духовенства.

Русский приход имеет позволение чтить всех православных святых, но отец Иоанн считает, что это возможно не для всех.

Говорили о Владимире Соловьеве. Мадемуазель Ушакова была с ним знакома. Он считал, что речь идет не об отречении, поскольку со времён Унии, принятой на Флорентийском соборе, ничего нового не произошло. Отец добавляет, что, между тем, это был недвусмысленный акт единения в католической церкви.

В личной часовне у священника есть образ Сердца иисусова: он был ему подарен одной дамой, сначала увидевшей этот образ, затем услышавшей голос, возвестивший ей, что Россия была бы объединена в Церкви множеством маленьких часовен с оным образом; дама, несомненно, не пророчица, но очень серьёзна.

Затем наша беседа перешла на Софию. У о. Иоанна собственная теория. Он высказал мнение и о теории о. Астромова (во многих книгах, но прежде всего в катехизисе на русском и трактате на латинском), которая связывает Софию с Непорочным Зачатием. Он очень хотел бы написать на этот сюжет, но католики его не примут; а в православные журналы

католический священник писать не может. Однако книги Астромова не были запрещены и публиковались даже в Риме. К сожалению, я слишком несведущ, чтобы вспомнить изложенные о. Иоанном наполовину на русском, наполовину на французском, теории. Быть может, через Софию я приду к постижению Святой Девы. По-видимому, Флоренский в целом очень застенчив, но исполнен таланта: мадемуазель Ушакова его читала. Решительно. Россия – страна философии.

Кроме того, мы говорили, я забыл, о догматической незавершенности русских: люди, отрицающие вечность ада или верящие в переселение душ, считаются вполне православными. Русский священник, которого о. Иоанн попросил высказаться об одной православной, отрицающей ад, ответил: «Вот доказательство её высокого представления о доброте Божьей».